

— Малыш Гэ, тебе ведь это тоже нравится, да? — Фу Гэ тяжело дышал, глаза его метались в поисках выхода, но внутри всё сжималось от ужаса. — Ты получаешь от этого такое же удовольствие, как и я.

Ци Хань вытащил из груды строительного мусора лом, словно трость, небрежно уперев его в пол.

— В конце концов, страх — это тоже боль. А чем сильнее боль, тем сильнее отклик твоего грязного тела, не так ли?

Раны на плечах, разрезанная кожа на шее — казалось, всё это его вовсе не беспокоит. Он лениво стянул с себя галстук и, не спеша, двинулся вперёд.

В узком, тёмном коридоре заброшенного здания его шаги звучали пугающе спокойно.

— Беги. Посмотрим, как далеко ты сможешь убежать.

Свет из разбитых окон падал ему на лицо, размывая контуры, то выхватывая оскал, то скрывая его в тени. На тонкой цепочке его очков застыли капли крови. Даже ингибиторное кольцо, которое он ещё не успел снять после окончания цикла, оказалось в брызгах багрянца.

Ци Хань рывком сорвал его с шеи и отбросил в сторону.

В тот же миг запах белых колокольчиков, сдерживаемый долгие дни, вырвался наружу.

Как беспощадные когти хищной птицы, его феромоны рванулись вперёд, налетая на Фу Гэ и валя его на землю.

— А-а...

Глухой стон сорвался с его губ. Он попытался подняться, дрожа всем телом, но не продержался и пяти секунд. Лоб покрылся потом, руки ослабли — и он снова рухнул на пол.

Он не мог двигаться. Его выворачивало от сверхсильного давления, сдавливающего грудь и парализующего тело.

Ци Хань неторопливо шагал к нему. Гулкие удары каблуков раздавались с пугающей чёткостью, отдаваясь эхом в пустом здании.

Каждый шаг бил по нервам, как гвоздь в крышку гроба.

— Беги же.

— Прошло столько лет, а ты совсем не изменился, — прошептал Фу Гэ, стиснув зубы

— Правда? — Ци Хань наклонился к нему, скользнув ладонью по талии и жестко сжав мягкую плоть. Губы скользнули к его шее, горячее дыхание обожгло кожу.

— И в чём же это выражается? Просвети меня.

Фу Гэ скривился, и в глазах вспыхнула злость.

— В том, что ты всё такой же ублюдок!

Как только слова сорвались с губ, Фу Гэ резко развернулся и с силой вонзил лом в живот Ци Ханя. Глухой, хрустящий звук разрываемой плоти прокатился по узкому пространству заброшенного здания, эхом отразившись от потрескавшихся стен. Боль должна была пронзить его, но он даже не вскрикнул — вместо этого его пальцы сомкнулись на шее Фу Гэ, и в следующий миг он с силой прижал его к полу.

— Ты ещё смеешь говорить мне о прошлом?!

Лом глубоко вошёл в его тело, но вместо того чтобы ослабеть, Ци Хань лишь сильнее навалился на Фу Гэ, заставляя его всем телом ощутить липкую горячую кровь, которая текла из его раны.

Ци Хань не чувствовал боли. В его глазах было что-то нездоровое, как у хищника, загнавшего добычу в угол. Он смотрел на того, кто когда-то принадлежал ему без остатка, кто когда-то смотрел на него глазами, полными преданности и любви, а теперь сжимался под ним, дрожа от гнева и ненависти, и вдруг понял, насколько всё это похоже на давно забытые сцены из прошлого.

Когда-то, много лет назад, он тоже чувствовал себя в безопасности. До четырнадцати лет Ци Хань был беззаботным наследником влиятельной семьи, мальчиком, который не знал, что значит бояться. Его мать умерла рано, но отец, Ци Цзи, любил его, пусть и проводил большую часть времени в лаборатории, погружённый в исследования. Они редко виделись, но каждый раз, когда отец возвращался, он смотрел на сына с теплом, и этого было достаточно.

До тех пор, пока в доме не появилась она.

Они встретились на фармацевтической конференции. Она была красива, умна и уверена в себе, могла часами рассуждать о сложных химических реакциях и медицинских формулах. В её голосе звучали страсть и восхищение, и каждый раз, когда кто-то скептически поднимал бровь, задавая каверзные вопросы, она лишь смущённо улыбалась, как девушка, впервые познавшая любовь.

В её глазах сиял восторг, и этот восторг был обращён к Ци Цзи.

Он поверил ей.

Все поверили.

Ци Цзи, слишком долго живший в одиночестве, быстро оказался в плену её чар. Он был уверен, что наконец нашёл ту единственную, женщину, которая понимала его лучше, чем кто-либо. Думал, что обрёл родственную душу, человека, с которым можно разделить не только жизнь, но и страсть к науке. Не раздумывая, он привёл её в дом, окрылённый иллюзией счастья.

Но именно с этого момента начался настоящий кошмар.

Она никогда не любила его. Ей был нужен не он, а его работа. Она хотела получить формулу нового ингибитора для альфа — разработки, над которой он трудился годами.

С каждым годом высокоуровневых альфа рождалось всё больше, а спрос на препараты, подавляющие их инстинкты, давно превысил возможности рынка. Никто не знал, кто первым пустил слух, но по фармацевтическим кругам разлетелась информация, что Ци Цзи создал революционный ингибитор, способный всего за пять минут полностью подавить альфа-реакцию. Лишь представив, какие деньги можно заработать на таком средстве, можно было понять, почему за ним началась охота.

Спустя всего месяц после свадьбы женщина сбросила маску.

Сначала она осторожно, исподволь, выпрашивала детали его работы, намекала, интересовалась. Потом намёки переросли в прямые требования. В конце концов, когда он отказался поделиться исследованиями, всё скатилось в открытое противостояние.

А потом... она перешла к действиям.

Однажды, в разгар белого дня, она ворвалась в их дом вместе со своим любовником.

И с этого момента Ци Цзи и его сын перестали существовать для внешнего мира.

Никто так и не узнал, какой ад развернулся в стенах той небольшой виллы среди бела дня. Чтобы выбить у Ци Цзи формулу, эти двое не остановились ни перед чем.

Они сломали ему пальцы, перебили ногу, уничтожили все его исследования, которые были для него дороже собственной жизни. А затем принялись за его единственного сына — подвесили четырнадцатилетнего мальчишку в центре гостиной, оставив его без воды и пищи, избивая до

потери сознания.

Но Ци Цзи всё равно не мог дать им формулу.

Потому что его работа не была завершена — ингибитор оставался нестабильным, ему не хватало последнего химического соединения, и если запустить его в производство в таком виде, он мог убить любого, кто примет его.

Тогда любовник женщины приказал ему закончить исследования прямо в этом доме, во что бы то ни стало довести работу до конца.

Ци Цзи был сломлен. Предательство, унижение науки, физическая боль — всё это разрушило когда-то незыблемую психику учёного. Единственное, что удерживало его от полного отчаяния, — это надежда спасти сына.

Чтобы выиграть время, он намеренно замедлял работу, несколько раз подсовывая фальшивые формулы.

Каждое неправильное соединение означало ещё один-два дня передышки. Он был уверен, что действует грамотно.

Но не знал, что эти двое даже не проверяли препараты лабораторными методами. Они сразу испытывали их... на человеке.

Подопытным стал единственный оставшийся в доме живой организм — его собственный четырнадцатилетний сын, который ещё даже не прошёл дифференциацию.

В норме подростки разделяются на альфа, бета и омега ближе к шестнадцати-семнадцати годам. Но они насильно ускорили этот процесс, вводя в организм мальчика коктейль из гормонов и концентрированных омега-феромонов, буквально выдавливая из него альфа-природу.

И когда организм Ци Ханя начал давать сбои, когда его фаза чувствительности сбилась и начала происходить хаотично, они решили, что нашли идеального подопытного.

Каждый раз, когда он впадал в жар, они вкалывали ему новый ингибитор, следя, как он корчится в агонии.

Один день.

За одни сутки его тело пережило невыносимое: судорожные всплески возбуждения, бесконечную лихорадку, неконтролируемые приступы рвоты и диареи, спазмы, потери

сознания, а затем болезненные пробуждения.

Его руки и ноги были стянуты цепями так сильно, что металл врезался в плоть. Железный кляп прорезал уголки его губ, а обезумевшее от стресса тело не могло контролировать себя — мокрые, тяжёлые ткани противно липли к коже.

Но даже после этого их жажда не была утолена.

Очередной «эксперимент»... ещё один укол... ещё одна ломка... и в какой-то момент Ци Цзи, сам того не ожидая, нашёл недостающую формулу.

Но прежде чем он успел подтвердить результат, его рукописи вырвали из рук.

И в тот же день новая версия ингибитора была введена прямо в кровь его сына.

Когда Ци Цзи, наконец, вырвался из комнаты, перед его глазами предстала сцена, которая разорвала его разум в клочья: его собственный сын болтался в воздухе, словно сломанная кукла, безвольное тело дёргалось от новой инъекции, а его правая рука, покрытая сплошным багровым пятном, была утыкана следами от игл.

И только в этот момент он осознал, кому на самом деле доставались все те ошибки, которые он так тщательно подсовывал.

Его глупая, самонадеянная игра в обман обернулась тем, что его ребёнок прошёл через две недели самого невыносимого ада.

Ци Цзи не выдержал.

Человек, который всю жизнь был тихим, скромным учёным, в одно мгновение превратился в зверя. Он вырвал шприц из тела сына и с яростным криком вонзил его прямо в сердце женщины, что пытала их. Затем он рванулся к её любовнику, готовый разорвать его на части, но не успел — пуля пробила его грудь прежде, чем он смог нанести удар.

Ци Хань видел это.

Видел, как его отец рухнул, как кровь, горячая и тяжёлая, брызнула на его лицо. Он завыл, обезумев от ужаса, и, как загнанный зверь, рванулся вперёд, закованный в цепи, вцепился зубами в горло убийцы, размахивая истерзанными руками, пытаясь хоть как-то разодрать его в клочья.

Но ребёнок, сломленный пытками, не мог победить взрослого мужчину.

Он смог только вырвать из рук убийцы половину листа с рукописью отца — и в тот же миг почувствовал удар. Грудь пронзила жгучая боль, мир закружился, растворяясь в слепящей вспышке...

Прежде чем скрыться, мужчина уничтожил всё, что могло указать на него.

Но, к счастью, Ци Хань выжил.

А к несчастью — он не помнил лица убийцы.

Полиция быстро взялась за расследование, личность женщины установили, но мужчина исчез, не оставив ни следа. Единственный свидетель потерял воспоминания, и даже составить его портрет было невозможно. Так эта трагедия осталась нераскрытой.

Но следы, которые она оставила, исчезнуть не могли.

Полтора года лечения за границей вернули Ци Ханю лишь подобие человеческого облика. Однако его восприятие боли стало приглушённым, эмоциональная реакция — почти нулевой. Он утратил способность к эмпатии, его чувства стали слабыми, едва различимыми. Бесконтрольные фазы чувствительности превратились в нескончаемый кошмар, а страх перед иглами — в неизменного спутника на всю жизнь.

Тот четырнадцатилетний мальчишка, которого лишили единственного родного человека, потерял не только семью.

Он потерял своё детство.

Все знали, что председатель Ци Хань, один из самых сильных альфа 3S-класса, страдает от аллергии на ингибиторы.

Но никто не знал, почему. Никто не знал, что эту «аллергию» вкололи в него сотнями шприцов.

С того момента, как он выжил, у него не осталось другой цели, кроме как найти убийцу. Жизнь превратилась в бессмысленный, механический процесс. Он существовал, но не жил. Закрывая глаза, он видел только кошмары. Открывая их — обнаруживал, что реальность не лучше.

Так продолжалось до тех пор, пока он не встретил Фу Гэ.

Нежного, красивого, какого-то необъяснимо тёплого. И никого бы не оставила равнодушным их встреча у фонтана.

В тот миг, когда он посмотрел на этого наивного, доверчивого мальчишку, его внутри что-то взорвалось — что-то, о существовании чего он уже почти забыл.

Ощущение.

Оно было странным, непривычным, оно пробежало по нервам тонкой дрожью, чем-то похожей на электрический разряд.

Фу Гэ был осторожным, нежным, горячим и искренним. Он вёл себя смешно, нелепо, но в этом было столько тепла, что Ци Хань вдруг ощутил, как в его груди что-то оживает.

Фу Гэ мог сидеть в дальнем уголке, рисуя его часами. Мог смотреть, наблюдать, затаив дыхание, вычерчивая каждый его жест, ловя свет и тени на лице.

И если в начале их отношений Ци Хань лишь наблюдал, сдерживая себя, то со временем он понял: этот мальчик был единственным цветом в его сером мире.

С той самой первой встречи они больше не говорили ни о чём постороннем. Один играл в баскетбол, другой рисовал. А когда последние лучи заката исчезали за горизонтом, они молча возвращались в общежитие — один впереди, другой чуть позади.

Их связь держалась на зыбком равновесии, на расстоянии, которое было и близким, и недостижимым одновременно. Между ними витало что-то неясное — ни откровенных признаний, ни пылких речей, лишь лёгкий налёт юношеской неопределённости.

Фу Гэ вошёл в жизнь Ци Ханя так же незаметно, как солнечные пятна, падающие сквозь листву. Едва уловимый, но неизменно присутствующий, он вытянул его из бесконечного кошмара, заставил снова почувствовать себя живым.

Эти два года были самым светлым, что было у Ци Ханя. Но любые сны рано или поздно заканчиваются.

После поездки в Литанг Фу Гэ сделал ему предложение. Они съехались, начали готовиться к помолвке.

Тогда же Фу Гэ заметил ту самую старую, наполовину стёртую бумагу, которую Ци Хань всегда носил при себе. Маленький бета с детства увлекался древними вещами, и, заинтересовавшись, спросил, можно ли взять её для изучения. Хотел попробовать воссоздать такой же материал.

Для человека, далёкого от науки, формулы на пергаменте выглядели как бессмысленный набор символов. Ци Хань не придал этому значения и отдал лист.

А спустя несколько часов, придя в художественную студию, он увидел то, что заставило его кровь застыть в жилах.

Фу Гэ стоял у сейфа, спиной к двери, беседуя с каким-то мужчиной. Когда тот обернулся, Ци Хань остолбенел. Перед ним был тот самый альфа, который убил его отца.

Захороненные в глубинах памяти обрывки прошлого вспыхнули с пугающей ясностью. Лицо, которое в кошмарах всегда оставалось мутным, теперь было предельно чётким.

А потом прозвучали слова, разрушившие всё.

— Маленький Гэ, ты принёс рукопись?

— Принёс.

— А как там с Ци Ханем? Уже взял его?

— М-м.

— Ну что, полезным оказался план охоты, который тебе составил отец?

Фу Гэ кивнул и, не колеблясь, убрал лист и толстую тетрадь в сейф. Взгляд Ци Ханя упал на обложку, и ему стало трудно дышать.

На обложке было выведено ровными, чёткими и холодными буквами:

«План охоты на Ци Ханя».

В этот момент мир рухнул.

Ци Хань не помнил, как оказался на улице. Всё, что он помнил — осколки стекла под ладонями, крик клаксона, внезапный толчок. Мир перевернулся.

Он лежал на асфальте, чувствуя, как что-то тёплое растекается под ним. Полуприкрытые глаза смотрели в пустоту, а в голове пульсировала единственная мысль — Фу Гэ никогда его не любил. Всё было лишь спектаклем, тщательно продуманной игрой, целью которой было приблизиться к нему и заполучить рукопись.

Никто так и не спас его из кошмара. Единственная рука, что когда-то вытащила его из пропасти, теперь с холодной точностью втолкнула его обратно, только глубже.

А потом, будто в насмешку над его отчаянием, через две недели компания «Фу» выпустила на рынок новый ингибитор — препарат, способный подавить альфа-инстинкты всего за пять минут. И в рекламных материалах они с торжественной улыбкой посвятили этот препарат памяти «великого учёного, трагически погибшего четыре года назад» – Ци Цзи.

Сцена в художественной студии была началом конца. Последний удар настиг его в день помолвки.

На празднично накрытом столе, среди белоснежных цветов и бокалов с шампанским, оказался конверт. Внутри — фотографии Фу Гэ в чужих объятиях.

После этого у Ци Ханя больше не осталось причин сдерживаться. В день, когда всё должно было быть красивым, торжественным, полным счастливых улыбок, он устроил настоящий спектакль.

Но уже без масок.

Ци Хань, потерявший всё, опустошённый, раздавленный, встал перед толпой гостей, спокойно достал собранные доказательства – документы, переписки, записи – и, на глазах у всех, с улыбкой обрушил мир своего «любимого» человека.

Мужчина, которому Фу Гэ верно служил, оказался за решёткой. А Фу Гэ... Фу Гэ он забрал с собой. Обратно, в ту самую маленькую, насквозь пропитанную кровью виллу.

На четырнадцать дней.

– Я думал, что буду сожалеть, когда сделаю с тобой это, – спокойно проговорил Ци Хань, вынимая из его пальцев монтировку. Шершавые ладони медленно, почти с нежностью, раздвинули ткань его рубашки. – Всё-таки, я правда люблю, как твоё тело откликается.

Он помнил его таким – дрожащим, раскованным, покорённым, даже когда холодный металл цепей впивался в кожу. В тот момент он казался испорченной, но приторно-сладкой картиной, разбитым стеклом, сквозь которое всё ещё пробивался тусклый свет.

– Если бы ты оставался таким – пустым, послушным, я, может быть, даже был бы к тебе добрее. Но ты не умеешь подчиняться, маленький Гэ.

Ци Хань стоял внизу лестницы, легко удерживая его в руках. Потом поднял его руки вверх, закрепляя на перилах тёмной шёлковой лентой.

Фу Гэ попытался отвернуться, но его губы тут же сжала тугая ткань. Синий отрез ленты, случайно выпавший из кармана Ци Ханя, теперь плотно охватывал его рот.

Маленький серебряный буддийский амулет, висевший на конце узла, скользнул вперёд и теперь покоился прямо у его губ.

- Завтра доставят сейф, - шепнул ему в ухо Ци Хань, легко касаясь зубами разгорячённой кожи. - Я уже не могу дождаться момента, когда мы откроем его вместе.

Фу Гэ зажмурился, тяжёлые капли воды вырвались из его глаз, пропитывая шёлковую ленту.

- Не плачь.

Ци Хань скользнул пальцами по следу укуса на его шее, затем резко дёрнул вниз ткань его брюк.

- Маленький Гэ, долг отца - долг сына. Так что будь хорошим мальчиком и верни мне то, что твоя семья мне задолжала.

<http://bllate.org/book/14453/1278307>